

Проблемы формирования и развития политической культуры социал-демократии

Дискуссия состоялась 29.01.2009

Александр Аринин

Уважаемые коллеги! Наш сегодняшний разговор посвящен проблемам формирования и развития политической культуры социал-демократии. Я полагаю, что эту дискуссию мы продолжим и дальше. Может быть, в ином формате, более расширенном.

Я хотел бы, чтобы в нашей дискуссии мы остановились на ряде принципиальных вопросов, которые, на мой взгляд, представляют очень большую актуальность. Надо все-таки понять, а в чем же заключается политическая культура социал-демократии, в чем ее сущность. Второй момент, на котором стоит остановиться, развитие политической культуру социал-демократии в различных странах, ее история, ее генезис. Что это дало миру и что это дало России? Третий момент, на который я обращаю внимание, почему политическая культура социал-демократии не утвердилась в нашей стране ни в начале XX века, ни в переломные 90-е годы.

Наконец, говоря о политической культуре социал-демократии, мне представляется актуальным обратить внимание на то, а как она будет развиваться в ближайшие десятилетия. Ее перспективы в XXI веке – есть ли они вообще? Думаю, что было бы правильным, если мы коснемся и нынешней ситуации, связанной с экономическим кризисом.

Способствует ли мировой экономический кризис углублению политической культуры социал-демократии? Или актуализации политической культуры социал-демократии? Безусловно, все эти вопросы масштабны и не надо стремиться полностью на них ответить. Но если мы коснемся в нашей дискуссии этих вопросов, то она уже будет плодотворной.

А сейчас я передаю слово нашему докладчику, Борису Сергеевичу Орлову.

Борис Орлов

Я к этому докладу готовлюсь с начала 70-х годов. Ведь я очень многое прочитал по социал-демократии, вплотную столкнулся с деятельностью многих социал-демократических партий, в первую очередь, германской социал-демократической партии. Каждый раз передо мной открывались новые грани их деятельности, и вместе с тем, в социал-демократической литературе, каких-то развернутых исследований о природе социал-демократии, о политической культуре социал-демократии я почти не встречал.

Поэтому сегодня нам приходится самим формулировать представления о том, что такое политическая культура социал-демократии. Для меня это очень важный вопрос: в какой степени политическая культура социал-демократии может развиваться и укрепляться в нынешних условиях современной России, и каковы перспективы этого общественно-политического движения.

Я хотел бы начать с первого замечания. На мой взгляд, политическая культура социал-демократии охватывает не только политическое движение, не только политические партии, которые пытаются отстаивать интересы, в первую очередь, наемных трудящихся в условиях рынка и рыночных отношений.

Но это одновременно и мировоззренческая позиция, потому что те, кто примыкает к социал-демократии, пытаются определить какие-то закономерности общественного развития или, во всяком случае, уяснить для себя, как могут гуманистические принципы, которыми вдохновлена социал-демократия, укрепляться в последующем, и на какие она будет наталкиваться препятствия. Так что второе обстоятельство мне тоже кажется важным. Это мировоззренческая позиция.

Наконец, я хочу обратить внимание и на третий признак политической культуры – это нравственная позиция. Те, кто примыкает к социал-демократии, как правило, руководствуются нравственными побуждениями реализовать социальную справедливость как таковую.

Когда в начале 90-х годов мы пытались восстановить социал-демократию в нашей стране, мне довелось участвовать в этом

процессе. Я сталкивался с очень многими людьми, которых по их рассуждениям, по их высказываниям можно было смело причислять к социал-демократам. Но когда я говорил: «Вы мыслите и чувствуете социал-демократически, давайте, вступайте в партию», - то ответ был: «Ты знаешь, я уже в коммунистической партии был, мне этого достаточно. И вообще, ты знаешь, политика – это грязное дело. Я ни в каких политических движениях участвовать не могу». Я думаю, что мы когда-нибудь найдем для себя возможность побеседовать на тему «Политика – это грязное дело, или это нравственно необходимое дело для совершенствования общества». Но это отдельный вопрос. Но еще раз хочу сформировать мое видение политической культуры так: это политическое движение, это мировоззренческая позиция, это нравственная позиция.

Как мне представляется, социал-демократия во всех этих проявлениях находит свое выражение в деятельности отдельных социалистических или социал-демократических партий. С моей точки зрения, такой партией можно назвать Социал-демократическую партию Германии. Ну, и отрицательный пример, скажем, Социалистическая партия Италии. Это партия с очень давними традициями, с очень известными и выдающимися политическими деятелями фактически сошла с политической арены, потому что все то, что я имею в виду в своей деятельности как политическую культуру, ей вместить не удалось. И хотя ее в последнее время возглавлял такой опытный политик как Беттино Кракси, его сугубо прагматический подход к решению проблем, стоящих перед Италией, с учетом других особенностей социал-демократии (мировоззренческая и нравственная позиция), привели к тому, что эта одна из старейших социалистических партий Европы фактически сошла с политической сцены. Это первое, очень важное обстоятельство.

Второе. Социал-демократия как политическая культура возникает не на пустом месте. Она является продуктом европейской культуры, и политической, и духовной. Я хочу обозначить некоторые проявления общеевропейской культуры, которые отражаются и в деятельности социал-демократии.

Это, с моей точки зрения, социальные ценности, ценности христианско-иудейской цивилизации. Второе, это традиции утопического социализма, которые развивались с давних пор в разных проявлениях именно в Европе. Наконец, я думаю, что это традиции либерализма, с его установкой на свободное поведение человека в условиях частной собственности и в условиях достаточно свободной экономической деятельности. Есть и другие, но я хотел обратить внимание на три основные особенности, на которые социал-демократия опирается, иногда даже не отдавая себе в этом отчета.

Еще одно замечание. В общем-то, социал-демократические партии с учетом общего влияния политической европейской культуры опираются на национальные традиции, на исторические особенности той страны, в которой они возникают. Возьмем, например, три наиболее известных крупных партии современной Европы: Германская социал-демократическая партия, Французская социалистическая партия и лейбористы Великобритании. Это достаточно разные политические партии и по структуре, и по поведению. Но тогда задаешься вопросом, а что же их объединяет, почему их все можно рассматривать как социал-демократические? Я думаю, что главная особенность социал-демократии – это стремление отстаивать принципы социальной справедливости в условиях демократии и демократическими методами.

Я достаточно долго размышлял над этим: что вычленишь из социал-демократического явления. Когда при всех обстоятельствах можно сказать – это социал-демократия. Мне представляется вот такое положение: социальная справедливость в условиях демократии, осуществляемая демократическими способами – это и есть коренное отличие сущность социал-демократии.

Следующее обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание. Ведь социал-демократия не создавалась по какому-то задуманному сценарию, по какой-то модели. Первоначальных проектов социал-демократии ни у кого не было. Их создала сама жизнь. Особенно в тот период, когда возникали

капиталистические, новые отношения между свободным наемным работником и предпринимателем, когда число наемных работников возрастало.

И естественно вставал вопрос о том, как отстаивать, как защищать, как осмыслять интересы этой нарастающей социальной группы, которую потом назовут и рабочий класс, и пролетариат. История показывает, что и в Великобритании, и в Германии, в меньшей степени во Франции и других странах у истоков социал-демократии стоят профессиональные союзы. Здесь мы сталкиваемся с той первоначальной попыткой формирования политической культуры социал-демократии, когда происходило возникновение профсоюзов, например, в той же Германии это было в середине XIX века. Это были разные типы профсоюзов.

Естественно, пытаюсь защищать права рабочих, которые находились в тяжелейших социальных условиях, достаточно упомянуть знаменитую работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», где он достаточно объективно и очень глубоко рассматривает, в чем состоит тяжесть положения рабочего класса. Первоначальная задача, которая стояла перед профессиональными союзами, состояла в том, чтобы отстаивать интересы этой возрастающей по численности социальной группы капиталистического общества. Но здесь я обращаю ваше внимание на то, как этот первоначальный зародыш рабочего движения соприкасался с либеральными тенденциями.

Обратим внимание на то, что как раз середина XIX века – это волна революционных движений со значительной либеральной окраской. Это 1848 год – Германия, Венгрия и ряд других стран.

Когда либералы отстаивали права и свободы в обществе, они одновременно как бы открывали перед рабочим возможность в условиях новых демократических институтов, и прежде всего, парламентских институтов защищать свои собственные интересы. И тогда, я немного упрощаю эту ситуацию, естественно и перед деятелями профсоюзов, и вообще перед мыслящей частью рабочего класса вставал вопрос: как защищать эти интересы рабочего? Путем знаменитого восстания силезских

ткачей? Выходить на баррикады? Или создавать какие-то законы, которые можно отстаивать в интересах представительных органов.

Я думаю, то вот здесь как раз, на такой развилке – либо идти на баррикады, либо в рамках новых представительных органов защищать свои права – и возникла социал-демократия. Что интересно, вбирая в себя как сторонников идти на баррикады и бороться за освобождение рабочего класса, так и тех, которые считали, что лучшего положения надо добиваться в рамках закона.

И тут мы сталкиваемся со знаменитым «поединком» между двумя крупными личностями в истории социальной и политической жизни Германии: Карлом Марксом и Фердинандом Лассалем. Как раз на этой развилке столкнулись две принципиально различные точки зрения относительно того, как дальше защищать интересы рабочего класса.

Фердинанд Лассаль, молодой, чрезвычайно способный адвокат с огромными ораторскими способностями, приняв участие в создании Всегерманского рабочего союза (1863), фактически считается родоначальником и основоположником Германской социал-демократической партии.

Но тут естественно сразу же возникает вопрос: те, кто создавали Всегерманский рабочий союз и другие организации... Заметим, кстати, это обстоятельство почти не учитывается при осмыслении процессов, происходивших в Германии – ведь в тот период единого централизованного государства в Германии не было, были отдельные княжества, земли, герцогства и так далее. Поэтому эти новые рабочие организации возникали не в единой централизованной стране, а в отдельных землях. И на этой основе взаимодействия различных рабочих организаций постепенно группировалось единое рабочее движение.

Вот здесь социал-демократия столкнулась с основной проблемой: как быть? Либо отстаивать точку зрения реформаторской деятельности в рамках существующих законов и бороться за то, чтобы принимались новые законы в интересах трудящихся масс

(Фердинанд Лассаль), либо создавать принципиально новый общественный строй и именно при этом новом общественном строе добиваться полного освобождения рабочего класса (Карл Маркс).

Мы знаем, что дальше история пошла по пути постоянной внутрипартийной борьбы между этими двумя течениями. И когда мы говорим о политической культуре социал-демократии, прежде всего надо отметить – социал-демократия с самого начала приучала себя к тому, что в ее рамках всегда существует две позиции, и она поставлена перед необходимостью принимать это во внимание и развиваться уже с учетом этого обстоятельства.

Потом отдельные представители будут говорить о том, зачем эти разные мнения, зачем эта борьба? Ведь, в конце концов, это ослабляет политическую партию, лишает ее монолитности, сплоченности. История показала, что такая борьба внутри социал-демократической партии явилась, если хотите, основой ее долгосрочной деятельности, ее жизнеспособности. Постоянно выясняя взаимоотношения между этими двумя направлениями, социал-демократия получала возможность находить наиболее оптимальные способы решения проблем, которые вставали перед ней с момента развития этой партии и политического общества.

Итак, с одной стороны реформаторская деятельность (Лассаль), с другой стороны марксистская ориентация. Причем после образования Всегерманского рабочего союза влияние марксизма в германской социал-демократии возрастало. Это отдельная тема, но тут я хочу обратить внимание на три главных обстоятельства, которые убеждали социал-демократов в важности марксизма. Это, прежде всего, анализ причин эксплуатации трудящихся масс – знаменитая теория прибавочной стоимости, научное объяснение возможностей объективного, исторически необходимого и даже неизбежного перехода от капитализма к социализму. И третье – это возможность почувствовать себя частицей, частью нарастающего всеобщего рабочего движения и в рамках Европы, и во всем мире. Отсюда этот всем известный лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который проходит через всю историю рабочего движения по сегодняшний

день. Хотя этот лозунг по-разному интерпретировали и реформаторы, и революционеры марксистской ориентации.

Еще одна особенность политической культуры социал-демократии проявилась на съезде в Готе, когда произошло объединение, и когда партия уже получила достаточно надежную и организационную, и теоретическую основу. Был накоплен какой-то опыт. Германия объединена, пятый год живут немцы в условиях единого Германского государства. И вот в 1875 году они вдруг получают письмо от Карла Маркса, в котором он подвергает жесткой критике программу, принятую этой партией. Этот документ, который поступил в адрес съезда, потом назвали «Критика Готской программы».

Я думаю, что это тоже очень существенный эпизод. Ведь было очень важно проследить, как отреагировало руководство и партия на этот документ, который представлял собой программу развития рабочего движения в сторону социализма и коммунизма. В нем достаточно подробно описывались два этапа: социалистический и коммунистический.

Что для меня, как для исследователя оказалось неожиданным: в моей библиотеке я обнаружил работу «Критика Готской программы» 1931 года. Она издана в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Рязанов, директор института, в своем предисловии к изданию пишет, что текст критики Готской программы, который мы изучаем по конспекту, записал один из участников семинара, где выступал Карл Маркс. Оказывается, нет оригинала этого основополагающего документа, по которому, с моей точки зрения, находясь в Разливе в шалаше, В. И. Ленин писал программу социалистического преобразования новой России и отразил в своей работе «Государство и революция». Оригинала «Критики Готской программы» нет, вот какая интересная ситуация в истории, когда прикоснуться к первоисточнику очень важного документа никак нельзя.

Возвращаясь к Готской программе. Что любопытно: ведь руководство партии не огласило это письмо, положило его под сукно и приняло, с моей точки зрения, достаточно реформистскую программу действий. Энгельс только в 1890-х

годах добился того, чтобы в журнале «Новое время», который редактировал Карл Каутский, этот текст все-таки появился.

Почему этот документ не опубликовали сразу, и он не стал предметом обсуждения? Это ориентация на реформаторское поведение, которое укреплялось и развивалось в социал-демократической партии.

Следующий, очень интересный в этом плане этап – это знаменитая Эрфуртская программа (1891), принятая на очередном съезде. Первую часть пишет Карл Каутский, в основном, опираясь на описание капитализма в «Капитале» Маркса. Вроде бы это чисто марксистский документ. Я когда писал свою диссертацию, конечно, приводил высказывание В. И. Ленина о том, что каждый пункт этой программы может быть основой для наших действий в нашей собственной стране. Это действительно так. Первая часть была марксистской, но вторую часть написал Эдуард Бернштейн. Ее основное «лассалевское» требование заключалось в том, что рабочий класс должен добиваться прямых тайных выборов, и дополнение о равенство полов и так далее.

Если раньше дискуссия была между марксистами и реформаторами, то здесь мы видим, как требование реформаторской деятельности исходит от марксиста. Эдуард Бернштейн и Карл Каутский были наиболее глубокими знатоками марксизма. Когда был принят закон Бисмарка против социализма, Бернштейн был вынужден эмигрировать в Англию. Он был помощником и секретарем Энгельса, который завещал ему все бумаги после смерти, он был марксистом. А здесь мы видим новое явление в культуре социал-демократии, когда уже сам марксизм начинают понимать по-разному. Такое разное понимание марксизма нашло отражение через 8 лет в работе Бернштейна «Предпосылки социализма и перспективы социал-демократии». Написанная с марксистских позиций, она как раз доказывала возможность добиваться улучшения положения рабочего класса именно путем деятельности в рамках представительны органов.

Опять же интересна реакция партии на эту знаменитую книгу. Конечно, ее осудили. Более того, один из съездов специально был посвящен ревизионистской деятельности. Слово «ревизионист» приклеилось к Бернштейну, и с тех пор он главный ревизионист в истории рабочего движения. Для меня было интересно установить то, что критиковать-то его критиковали, даже беспощадно, а из партии не исключили. Он остался в партии, принимал участие в разработке следующих программ, был депутатом представительных органов в Берлине. Опять мы видим эту способность партии социал-демократической культуры находить компромиссные решения для проблем, которые возникают в ходе ее деятельности.

Я думаю, что как раз в это время и формулируется тезис, который сохраняет свою актуальность и по сей день. Компромисс – это душа социал-демократии. Там где нет компромисса, там нет социал-демократии.

Следующий этап, в котором социал-демократическая культура проверялась на прочность и на реакцию на новые явления, это конечно была Ноябрьская революция 1918 года. Здесь опять вставал вопрос – как быть? Мы знаем, что 9 ноября произошло интересное явление, когда представители этой партии провозгласили разную ориентацию в революции. Карл Либкнехт на одном из митингов провозгласил: «Да здравствует социалистическая республика!». А Филипп Шейдеман заявил: «Да здравствует демократическая республика!».

И опять социал-демократическая партия была поставлена перед выбором: социалистическая или демократическая республика? И это еще не все. Мы знаем, что в результате съезда путем голосования была принята ориентация не на республику Советов, а на демократическую республику, что дало легитимные основания руководству социал-демократической партии ориентироваться на этот курс. Мы знаем, что в процессе прихода к власти социал-демократов они вместе с другими партиями разработали самую демократическую социальную конституцию того времени.

Социал-демократ стал президентом этой страны, и опять мы видим проявление этой политической культуры. Что делать с другими политическими партиями в условиях демократии? Особенно когда у партий, соблюдающих демократические правила выборов, нет большинства. И вот здесь социал-демократы идут на то, чтобы приглашать в правительство представителей буржуазных партий. Это опять же признак политической культуры социал-демократии.

Как она первоначально реагировала, когда в 1899 году Александр Мильеран вошел в состав буржуазной партии? Какой беспощадной критике он подвергся! Теперь же в условиях Веймарской республики социал-демократы не входят в буржуазное правительство, а возглавляют правительство и приглашают в нее представителей буржуазных партий. Мне кажется, что это еще один признак того, как социал-демократическая культура проявляет способность ориентироваться на новые обстоятельства, делать выводы и развиваться дальше.

Мы знаем, что социал-демократы не особенно любят вспоминать период Веймарской республики. В рядах этой партии есть много тех, кто считает, что социал-демократы могли бы вести себя более решительно. И здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой, которая обнаруживает свойство политической культуры социал-демократии.

Я уже сказал о том, как провозглашали различные курсы на будущее Германии Карл Либкнехт и Филипп Шейдеман. Но дело в том, что дело не в этих двух личностях. Дело в ориентации на то, какие преобразования должны быть в этой стране. И когда Либкнехт, Роза Люксембург и другая часть социал-демократической партии заявила о том, что они все-таки настаивают на решительных революционных преобразованиях, тогда встал вопрос о том, что эти два начала – реформаторское и последовательное революционное в рамках одной партии сохраняться не могут. Мы опять видим пределы социал-демократической культуры.

Оказывается, социал-демократия способна к компромиссам. Компромисс – действительно душа социал-демократии, но в рамках определенных принципов. Когда какая-то группировка выходит за рамки этих принципов, прежде всего демократических, она отторгается от этой партии и создает свою собственную партию. Так возникла коммунистическая партия, первый съезд которой состоялся в новогодние дни с 1918 на 1919 год.

Так в рамках рабочего движения Германии возникли два понимания того, как надо преобразовывать общество. В общем-то, социал-демократическая политическая культура и культура вновь образованной коммунистической партии – это два совершенно разных явления. И когда говорят о «левом повороте», имея в виду эти два направления, в общем-то, смешивают два совершенно разных понимания того, как надо преобразовывать общество. И социал-демократия в этом плане очень четко отграничивает себя от коммунистов точно также, как она отграничивала себя потом от понятия социализма как такового, на который она ориентировала и в Эрфуртской программе, и в Герлицкой программе 1921 года, и в последующем.

Я сейчас опускаю еще одну очень важную тему. Ведь от партии откололись не только коммунисты, но и центристы, так называемые «независимцы». Это тоже одна из причин для осмысления того, как формировалась политическая культура социал-демократии.

Следующий важный момент. Если социал-демократия, при всем том, что она продвигалась реформаторским путем и исходила из того, что она продвигается в сторону социализма, где основным условием является обобществление орудий и средств производства, то в Герлице она дополнила это требование замечанием, что социализм – это не только социализация, но это реализация и нравственных требований. Тем самым началось развитие этического социализма, который в нашей советской литературе упоминали в кавычках. Тем не менее, такое этическое развитие стало раскручиваться в рамках теории германской

социал-демократии. Оно нашло последующее полное развитие в Годесбергской программе 1959 года.

Но дело было не только в этом. Социал-демократы еще больше подчеркивали свою приверженность демократии. И когда они увидели, что происходит в Советском Союзе, как реализуется новый социалистический эксперимент, осуществляемый большевиками, они реагировали на это крайне болезненно.

Роза Люксембург, которая до Ноябрьской революции сидела в тюрьме, когда узнала, что делают большевики в первые месяцы после прихода к власти, написала свои знаменитые заметки, в которых предупреждала: если у вас не будет демократии в партии и в обществе, рано или поздно вы придете к обществу, где начальство наверху будет диктовать, что и как надо делать. Чуть позже так же прореагировал Каутский. То есть была критика и со стороны новых молодых коммунистов (я имею в виду новые образованные партии), и со стороны социал-демократов. Каутский написал большую статью, и вы знаете, как на нее прореагировал В. И. Ленин, назвав Каутского ренегатом.

Социал-демократы для себя еще раз окончательно убедились, что социалистические преобразования возможны только в условиях демократии, и что этическое, ценностное начало у них приобретает все большее значение. Этот факт нашел отражение уже в Годесбергской программе, где проблема обобществления отходит на второй план. Главное – это никогда не прекращающаяся задача в условиях демократии и демократическими средствами осуществлять основные ценности. История социал-демократии: свобода, справедливость, солидарность. С тех пор социал-демократия руководствуется этими ценностями. Сначала их достаточно четко обосновала социал-демократическая партия Германии. А сейчас эта позиция является общей для европейских социалистических и социал-демократических партий, для всего социал-демократического движения в мире.

И последнее обстоятельство. Социал-демократия, в том числе и германская, всегда рассматривала себя как часть общеевропейского рабочего движения. Более того, социал-

демократы исходили из того, что это должно быть зафиксировано не только на чисто организационном политическом уровне, но это должно постепенно реализоваться через институциональные механизмы. Мало кто помнит о том, что в программе 1925 года, которую разрабатывал уже Рудольф Гильфердинг, впервые записано требование Соединенных Штатов Европы как таковое. Уже после Второй мировой войны, когда начался интеграционный процесс, социал-демократия приняла в этом активное участие и сейчас является одним из главных моторов, двигателей процесса европейской интеграции, Европейского Союза, в который входит уже 27 европейских стран.

Но это обстоятельство является для социал-демократии лишь началом дальнейшего понимания процессов. Социал-демократия берет на себя задачи по решению проблем, стоящих перед мировым сообществом. И поэтому, если говорить о том, что такое социал-демократия сегодня – это политическое движение, которое пытается реализовывать требование социальной справедливости не только в отдельных странах, не только в рамках Европы. Она пытается каким-то образом нащупать возможности реализации проблемы социальной справедливости на глобальном уровне. Отсюда ее всевозможные документы, ее размышления, дискуссии и так далее.

Последний программный документ социал-демократии принят на съезде в Гамбурге в ноябре 2008 года, где как раз на первый план выходят проблемы глобализации. Интересно, что как раз в этом документе германские социал-демократы поставили вопрос, выразили огромную озабоченность тем, что на глобальном уровне проходят экономические процессы, которые искажают логику механизмов рыночной экономики, и что необходимо вмешательство в этот процесс для его нормального развиваться.

Есть два спора между социал-демократическими экономистами и так называемыми неолибералами. Последние полагают, что если не мешать рынку действовать на основе его собственной логики, он сам найдет приемлемое решение и все будет хорошо. Социал-демократы говорят, это не совсем так. Есть ситуации, когда должно быть государственное вмешательство. Социал-демократы

за то, чтобы государственное вмешательство было профессионально. Оно должно быть прозрачным для общества.

Когда в Германии в 60-х годах возникла первая после периода экономического чуда кризисная ситуация, что сделали христианские демократы, находившиеся у власти? Пригласили в Большую коалицию социал-демократов, чтобы разрулить эту ситуацию. Карл Шиллер, социал-демократ и министр экономики, как раз осуществил первый пример государственного, разумного сбалансированного вмешательства на основе так называемой акции согласованных действий. Когда мы обращаемся к сегодняшним дням, мы видим, что подтверждается социал-демократическая логика мышления и понимание того, как надо решать проблемы, существующие в современном обществе.

В Европе есть известный теоретик либерализма, Ральф Дарендорф. В одной из работ он заявил, что XX век в Европе был по своей сути социал-демократическим. Он имел в виду не только деятельность социал-демократической партии, а вообще всю логику поведения стран и правительств – она была социально ориентирована. Дальше Дарендорф сказал, что тем самым социал-демократия исчерпала свою роль. Спасибо вам, социал-демократы, можете отдыхать. Проблема как раз и заключается в том, что будут делать социал-демократы в XXI веке, чтобы и он смог стать социал-демократическим. Конечно, вопрос этот открыт, как открыта сама история. Именно социал-демократы ломают сейчас головы над тем, как предложить человечеству наиболее приемлемый проект, гуманизацию дальнейших человеческих отношений.

Александр Галкин

Борис Сергеевич Орлов сделал хороший доклад, во многом дополняющий представленный им письменный текст. Этого следовало ожидать. Он видный специалист в вопросах социал-демократии. Его докторская диссертация, посвященная СДПГ, в свое время стала событием нашей общественной жизни. У него до сих пор сохранились устойчивые связи со многими видными социал-демократами ФРГ. Он постоянно держит руку на пульсе событий. То, что он говорит, полностью соответствует

действительности. Это, однако, не исключает дискуссии, поскольку в докладе затронуты некоторые спорные вопросы, которые, естественно, требуют дальнейшего критического осмысления.

Прежде всего, надо договориться о понятиях, которые мы используем, рассматривая поставленную на обсуждение тему «Политическая культура социал-демократии». Что мы все-таки подразумеваем, говоря «политическая культура» и «социал-демократия»?

Под «политической культурой» я, например, понимаю спрессованный веками социальный и политический опыт национальной общности или нескольких национальных общностей. Этот опыт предполагает более-менее схожую реакцию индивидов, общественных групп и политических течений на внешние импульсы, воздействующие на общий интерес. Если это так, то политическая культура не может быть единой для всех национальных общностей. Даже политическая культура, реализуемая в рамках единой идеологии, при тщательном рассмотрении, оказывается набором поведенческих реакций, которые в чём-то совпадают, а в чём-то отличаются друг от друга. Это мне кажется очень важным для нашего дальнейшего разговора.

В свою очередь, что такое социал-демократия, если рассматривать ее, прежде всего, функционально? Она возникла и до сих пор сохраняет своё влияние как политическая сила, отстаивающая интересы наёмного труда и всех социально ущемлённых групп населения. Если она теряет эту функциональность, то перестает быть социал-демократической. Иными словами, социал-демократические партии должны не просто решать общечеловеческие проблемы. Им надлежит решать эти проблемы, прежде всего, в интересах лиц наёмного труда и всех социально ущемленных групп населения. У других групп населения есть свои партии, которые отстаивают их интересы. Я убежден, что, игнорируя данное обстоятельство, невозможно адекватно определить цели и конкретную политику современной социал-демократии.

Перейду к следующей теме. Борис Сергеевич прекрасно знает историю германской социал-демократической партии. Но у этого плюса есть своя теневая сторона. Иногда, излагая ситуацию, он впадает в своеобразный германоцентризм. В какой-то степени это обоснованно. Известно, что социал-демократия впервые родилась на немецкой почве. К тому же немцы всегда отличались склонностью к теоретизированию. Мировая социал-демократия всегда высоко ценила теоретические выводы и практический опыт своих немецких единомышленников. Тем не менее, ставить знак равенства между международным социал-демократическим движением и его германским отрядом вряд ли допустимо.

Конечно, у Бориса Сергеевича и в письменном, и в устном текстах содержатся определённые оговорки, в которых идет речь о некоторых особенностях других социал-демократических партий. Но делаются эти оговорки как бы мимоходом. Не всегда они достаточно серьезны. Так, например, различия между германской (и более широко – северной) и романской (средиземноморской) социал-демократией сводится к специфике темпераментов. Дескать, у народов Северной Европы доминирует сдержанность и рациональный подход, в то время как у средиземноморских народов - вспыльчивость и эмоциональность. Отсюда, де, различия между германской, британской и скандинавскими социал-демократическими партиями, с одной стороны, и социалистами Италии и Испании – с другой. Специфика темперамента быть может быть и играет свою роль, но дело, как мне кажется, главным образом не в темпераменте, а в том, что у соответствующих народов разный исторический и социально-политический опыт. Поэтому социал-демократия разных стран, при всём своем идейном сходстве, с самого начала была разной.

Например, споры между ортодоксами (Каутский) и ревизионистами (Бкрнштейн), о которых подробно рассказывал в своем докладе Борис Сергеевич, были очень важны для немецких социал-демократов и, в немалой степени, для социал-демократов в России (они по ряду причин всегда внимательно прислушивались к тому, что происходило у немецких социал-

демократов) , но очень мало интересовали английских лейбористов, озабоченных не столько разговорами о будущем социалистическом обществе, сколько конкретными условиями существования лиц наемного труда на предприятиях Великобритании. У них тоже были различные течения, как более, так и менее умеренные. Но споры шли не о том, где и какой социализм надлежит строить, а о том, какие конкретные требования выдвигать, за какие стоит бороться.

Совсем по-другому складывалась ситуация в романских странах. Так, в Испании социалистическое движение возникло при жёстком авторитарном режиме. Поэтому для него проблема реализации целей в рамках существующего политического режима практически не существовала. Кроме того, в романских странах, особенно в Испании, были очень остры социальные противоречия. Поэтому значительная часть наемных работников - то есть та социальная база, на которой и выростала социал-демократия - пребывала на радикальных позициях. И наиболее популярным среди них был отнюдь не радикальный марксизм, а анархизм. Чтобы сохранить свою социальную базу и победить в борьбе с анархизмом, испанская социал-демократия должна была быть радикальной. И это, конечно, сказалось на ее теоретических и практических позициях. А споры, которые происходили в Германии и в России, и о которых рассказывал нам Борис Сергеевич, их не очень-то интересовали.

К чему весь этот разговор? К тому, что, изучая политическую культуру социал-демократии, необходимо постоянно учитывать специфику политической культуры различных стран.

Остановлюсь на еще одном спорном вопросе. Борис Сергеевич чётко сформулировал свою позицию относительно стратегии и тактики социал-демократии, сказав, что душа социал-демократии – компромисс. Это и верно, и не очень верно. Почему? Потому что очень многое, опять же, зависит от реальной ситуации, в которой социал-демократия осуществляет свою политику.

Об этом свидетельствует даже германский опыт. В последней трети XIX века в Германии был принят закон против социалистов. В соответствии с этим законом руководителей

социал-демократии, не успевших выехать за границу, сторонников компромисса посадили в тюрьму. В этих условиях перед ними вряд ли стояла проблема, как работать в рейхстаге, добиваясь улучшения условий существования рабочего класса. Приходилось, сидя на нарах, задуматься о серьёзной борьбе против режима.

Похожая ситуация сложилась накануне Ноябрьской революции 1918 года. Социал-демократические активисты деятельно участвовали в революционных событиях. Кстати, тогда происходили не только столкновения между крайне левыми (группой «Спартак») и основной частью социал-демократов, но и конфликты внутри социал-демократической партии - между теми, кто потом образовал Независимую социал-демократическую партию (НСДПГ), и сторонниками фракции большинства. Причём одно время НСДПГ была очень серьёзной политической силой, которая увела у социал-демократов большинства больше трети партийного актива, в том числе таких теоретиков мирового значения как Каутский, Бернштейн, Гильфердинг, и имела серьёзный устойчивый электорат.

Если же мы выйдем за пределы Германии, то увидим, что и в других странах социал-демократы не только шли на компромисс или заседали в парламентах. Когда в Австрии в 1934 году утвердился полуфашистский режим, социал-демократические отряды боевой защиты (шутцбунд) подняли восстание. Стоит напомнить и о том, кто возглавлял правительства республиканской Испании во время войны против франкистских мятежников? Негрин и Ларго Кабальеро - виднейшие деятели испанской социал-демократии. И расстреливали социалистов победившие франкисты не реже, чем коммунистов.

Я упоминаю об этом не для того, чтобы приуменьшить значение политики компромиссов, которая возобладала впоследствии в социал-демократическом движении, а для того, чтобы подчеркнуть, что социал-демократия сильна, прежде всего, тем, что, сохраняя верность своим ценностям, проводит прагматическую политику.

Борис Сергеевич упомянул здесь о прагматизме со знаком минус. С моей точки зрения, он заслуживает знака плюс. Один из источников силы социал-демократии состоит в том, что, сохраняя ценностное отношение к событиям и исходя из своих ценностей, она руководствуется складывающимися реальными обстоятельствами. Как правило, ей чужд тот самый догматизм, от которого пострадали и продолжают страдать крайние левые.

Александр Николаевич Аринин в своем вступительном слове поставил вопрос о судьбах социал-демократии в современной России. Это особая тема, которая требует отдельного разговора. Я остановлюсь на ней очень коротко.

Во-первых, мне кажется важным зафиксировать, что в результате развития, при котором в России утвердился капитализм первоначального накопления, задачи нашей социал-демократии по своему содержанию гораздо ближе не к задачам нынешней европейской социал-демократии, а к задачам, которые стояли перед ней в конце позапрошлого - начале прошлого века.

Поэтому современным российским социал-демократам следует постоянно воспроизводить в памяти, как решались социал-демократией проблемы защиты наемного труда и прав малоимущего населения именно в то время.

Во-вторых, нужно попытаться найти ответ на очень болезненный вопрос, почему социал-демократия не стала ведущей политической силой современной России – несмотря на то, что по ценностному подходу российское общество, как это широко признается, остается в основном социал-демократическим?

Почему попытки создать мощную социал-демократическую партию на протяжении ряда лет завершались неудачей?

Думаю, что здесь можно назвать несколько объективных причин, связанных с политической культурой современного российского социума.

Прежде всего, опыт примитивного государственного социализма создал в обществе своего рода аллергию к понятию социализм. Поэтому до поры – до времени социал-демократия, рассуждая о

социализме, вызывала у значительной части общества чувство отторжения.

Кроме того, на первых порах, в немалой степени благодаря реалиям так называемого развитого социализма, в российском обществе сложилось наивно- идеалистическое представление о современном капитализме.

Люди видели западное общество и западный капитализм чаще всего из окна автобуса и в витринах. В результате в массовом сознании, благодаря сравнению с нашими реалиями, создавалось представление, что капитализм – это общество, в котором молочные реки текут в кисельных берегах.

Немалое значение имело и то, что социал-демократия не сумела представить обществу убедительную альтернативу утвердившимся порядкам. Не удалось ей найти и выдвинуть активного, харизматического лидера, который не был бы связан с прошлым и оказался бы в состоянии привлечь на свою сторону миллионы простых людей...

Ситуация, видимо, будет меняться по мере углубления кризиса, но это уже особая тема.

Я прекрасно понимаю, что сказанное мною может вызвать споры. Борис Сергеевич был прав, сказав, что обсуждаемая тема настолько важна, что заслуживает дальнейшего серьёзного обсуждения. Действительно, разговор следовало бы продолжить.

Эмиль Дабагян

Можно ли говорить о какой-то особой политической культуре отдельных партий и как она соотносится с: политической культурой общества как такового?

Александр Галкин

Социал-демократическая политическая культура – не есть культура, принципиально отличающаяся от политической культуры современного развитого общества. Она вписывается в общую политическую культуру. Но у неё есть особенности, которые определяются тем, что она выполняет определённые функции – защищает интересы наёмного труда и социально

ущемлённых слоёв населения. Отсюда дополнительный элемент этой культуры – стремление к социальной справедливости и ориентация на определенные формы ее решения.

Борис Коваль

Наш очередной «круглый стол» посвящён теме «политическая культура социал-демократии». Главным докладчиком выступил признанный идеолог современного российского социал-демократического течения Борис Сергеевич Орлов. Именно он стоял у истоков социал-демократической партии Российской Федерации (учредительный съезд состоялся в мае 1990 г.). На IV съезде партии он был избран её председателем (на этом посту он оставался до января 1993 г.). В 1992 г. в партии произошёл раскол и группа «государственников» во главе с О.Г. Румянцевым образовала Московский социал-демократический центр. Затем он был преобразован в Российский социал-демократический центр. «Радикал-социалисты» во главе с Г.Я. Ракитской также создали свою группировку, склонную к сближению с коммунистами и другими левыми силами. В последующие годы внутренние разногласия привели к хаосу в развитии социал-демократического движения. Эта ситуация сохраняется и поныне.

Великий богослов Фома Аквинский семь веков назад заметил: «Многие настолько кичатся своим талантом, что воображают себя способными разумом своим измерить все вещи, полагая истинным всё то, что им кажется, и ложным всё то, что им не кажется». Не будем уподобляться таким неразумным гордецам, и настаивать на «своей» правде, а лучше спокойно обменяемся мнениями.

1. Сначала о том, с какого угла я хотел бы взглянуть на интересующую нас проблему. О чём идёт речь? О политической культуре или о культуре политики? На первый взгляд, это одно и то же, но мне видится определённая разница. В первой формулировке понятие «политика» заужено рамками практической деятельности самой социал-демократии как общественного института. Во втором случае акцент делается на отношении социал-демократии к общему политическому

процессу и выработке партийной культуры участия в многостороннем и динамическом социальном развитии.

Иными словами, я исхожу из наличия в одно и то же время различных культур политического поведения, одной из которых и является социал-демократизм, другой – коммунизм (у нас большевизм), третий – анархизм или анархо-синдикализм, четвёртый – либерализм и какие-то другие системы политической мысли и действия. Я собираюсь говорить именно о взгляде социал-демократии на достойную человека и общества культуру политики. Вернее о своём взгляде на этот взгляд.

2. Вряд ли сейчас возможно углубляться в историю зарождения и развития социал-демократических партий и движений в Европе, США, Японии или в Латинской Америке и других районах мира. Это особая тема. Свести самые различные национальные политические традиции, религиозные взгляды, ситуационные моменты общественной жизни и прочее к какому-то грубому единому знаменателю невозможно. Социал-демократия и её история в каждой стране имеет свою большую специфику.

Социнтерн вообще не ставит задачу по унификации и выработке шаблона для всех партий по идеологическим, политическим, экономическим и другим вопросам. Это не единая «всемирная» партия, как позиционировал себя Коминтерн, а добровольный союз независимых и самостоятельных партий, придерживающихся основных принципов мировоззрения и культуры политики, но свободных в выборе своей стратегии и тактики. В этом принципиальное различие. Надо учитывать, что все национальные и региональные партии и союзы, взятые вместе, не способны охватить своим авторитетом все социал-демократические тенденции и устремления масс. Большие сегменты граждан стоят вне каких-либо партий, даже никогда и ничего не слышали о Социнтерне, но по жизни, своему поведению и состоянию духа инстинктивно тяготеют именно к социал-демократическому восприятию действительного положения вещей. В частности, люди склонны к ориентации на взвешенную и постепенную модернизацию, и совершенствование жизни без рывков и революций, без насилия, а при помощи

реформ и конституционных методов протеста. Иными словами, гуманистическая ориентация как бы изначально разлита в воздухе. Миллионы простых людей вдыхают её как кислород, не замечая его наличия.

В силу своей ясности и простоты своей связи с реалиями жизни трудовых и средних слоёв общества, защите их интересов, вокруг социал-демократизма как разновидности гуманизма возникает определённая моральная аура. Иными словами, можно говорить о том, что это не только политическое, но и этическое явление в общей структуре социального развития. Этическое в самом высоком смысле. Недаром немецкие неокантианцы Коген, Наторп, Форлендер, Вольтиан и другие в конце XIX века разработали весьма оригинальную концепцию «морального социализма». Марксисты рьяно обрушились против этого течения, а зря. Думаю, что стоило бы присмотреться к нему попристальнее.

Кстати сказать, очень многие духовно-нравственные постулаты христианства вошли в социал-демократическую культуру политики. Впрочем, это относится и к другим левым движениям, включая коммунистов, хотя они и кичатся своим атеизмом. В социал-демократии безверие никогда не являлось обязательным условием для приёма в партию. Не случайно во многих странах социал-демократия и христианская демократия, их партии и профсоюзы, достаточно успешно сотрудничали и сотрудничают друг с другом.

3. Оставляя в стороне историю и обзор нынешнего состояния социал-демократии по странам (в будущем мы обязательно обратимся к этим вопросам), попытаюсь как-то сгруппировать своё мнение о некоторых принципах социал-демократической культуры политики. При этом я опираюсь не только на книжные знания, но и на собственный опыт сотрудничества с социал-демократами Европы, Латинской Америки и Японии. Эти связи в 90-е годы были весьма активными. В частности, ряд лет я являлся членом редакционного комитета журнала «Социализм будущего» (*El Socialism del Futuro*), который издавал Фонд «Система» при Испанской рабочей социалистической партии. В редколлегию

входил от КПСС также Г. Х. Шахназаров. Остальными членами редакции были видные идеологи международного социал-демократического движения: А. Герра, О. Лафонтен, М. Рокар, Л. Пелликани, Ж. Элленштейн, А. Шафер, Р. Дебре и другие.

В 1991-1992 годах мне и главному редактору издательства «Международные отношения» моему близкому другу Б. П. Лихачёву удалось при поддержке В. В. Загладина (тогда он был зам. секретаря ЦК КПСС по международным делам) издать два первых номера «Социализма будущего» на русском языке. К сожалению, тираж распродавался плохо и средств для продолжения издания не оказалось. Принципиальную поддержку проявлял лично М. С. Горбачёв, но другие члены Политбюро ЦК КПСС выражали несогласие и торпедировали сближение КПСС и Социинтерна.

Тем не менее, мои контакты с деятелями европейских социал-демократических партий позволили многое понять в их идеологии и политике. Таким образом, теоретическое изучение проблем международного рабочего движения и деятельности соцпартий переплеталось с конкретной работой над отдельными проектами. Опираясь на этот фундамент, я и решаюсь теперь сформулировать свой взгляд на основные аспекты идеологии и политики социал-демократизма.

4. В краткой форме в основе социал-демократических политических воззрений и практической работы лежат, как мне представляется, следующие принципы и ориентации:

- в центр ставится человек, в первую очередь человек труда, особенно наёмного, т.е. рабочие, служащие и городские средние слои в целом, включая интеллигенцию;
- государство и власть оцениваются как инструменты, призванные гарантировать и защищать общее благо, способствовать развитию по пути демократии, свободы и справедливости;
- наиболее реалистической и эффективной формой экономической и социальной жизни так называемый «умеренный капитализм», или точнее – «демократический социализм» со смешанной экономикой, сочетанием частной, коллективной и

государственной собственности и разумным участием власти в регулировании народно-хозяйственных процессов;

- приоритет в целях отдаётся гармонизации общественных отношений и обеспечению достойного уровня жизни и её качества, в первую очередь удовлетворения интересов простых людей и преодоления опасного разрыва в доходах «низших» и «высших» страт, искоренения всех типов дискриминации по признаку этнической принадлежности, пола, возраста, образования и т.д.

- для «исправления» органических пороков и недостатков, как капитализма, так и советской формы так называемого «реального социализма», необходимо взять курс не на революционное насилие, а на реформы, реальное «движение» к демократическому социализму. «Движение – всё, конечная цель (точнее болтовня о ней) – ничто». Эта формула Э.Бернштейна была большевикам и извращена в угоду демагогическим выкрикам вместо скрупулезной и тяжёлой работы с реальными группами отсталого пролетариата, который, тем не менее, со времён Маркса и Энгельса представлялся в коммунистической пропаганде «самым революционным классом в истории» и единственным носителем высшей «классовой морали»;

- в основе социал-демократизма и прежде и теперь стоят принципы универсальной человеческой морали, гуманизма и солидаризма, что в корне отличает эту идеологию от коммунистического максимализма и подчинения всякой нравственности эгоистическим «классовым интересам»;

- в области международных отношений социал-демократия всегда выступала против войны, милитаризации экономики, гегемонизма, за мир и деловое сотрудничество народов, за разоружение и запрет атомного оружия, против всех форм экстремизма;

- социал-демократия является одним из наиболее последовательных противников тоталитаризма, в каких бы формах он не выражался;

- социалисты столь же активно выступали и выступают против бюрократии и эгоизма государственного чиновничества, против коррупции, демагогии и обмана, за прозрачность политики и экономики, общественный контроль и т.д.

- важным элементом социал-демократической культуры политики является забота об организации сильных профсоюзов рабочих и служащих как лучших защитников интересов труда перед лицом частных и государственных форм эксплуатации;

- большое внимание отводится так называемому эко-социализму и заботе о природе в целях её спасения от опасных вызовов цивилизационного развития и особенно опасностей новой технологии, милитаризации, и безудержного потребительства;

- социал-демократия видит своё предназначение в развитии и возвышении общей политической культуры, совершенствовании человека и социума на принципах добра, человекоуважения, справедливости и солидаризма;

- социал-демократическому сознанию присущ дух толерантности и эластичности, стремление к общественному консенсусу, уважение к религиозным верованиям, забота о правах женщин, детей, стариков, интересах молодого поколения;

- огромное внимание уделяется вопросам культуры и искусства, образования и воспитания, формирования сильного и творческого гражданского общества, повышению общей политической культуры.

Эти и примыкающие по смыслу цели и средства составляют каркас социал-демократической политической культуры. Она складывалась медленно, постепенно и в разное время. Не Лютер или Кальвин породили социал-демократическую идею. На мой взгляд, не Реформация, а Возрождение и Просвещение открыли дорогу к гуманистическому осмыслению социального бытия. Кстати сказать, и сам протестантизм вырос из недр католицизма, а не явился, как Афродита из пены морской. Протестантизм поспешествовал укреплению «капиталистического духа» (термин М. Вебера), а не социалистической идеи. Поэтому лучше вспомнить и о влиянии Французской революции, и об

утопическом социализме, и о марксизме, и о взглядах Прудона, Дюринга, Бернштейна, русских меньшевиков, и о концепции «социализма с человеческим лицом» Дубчека, и о «еврокоммунизме» и других «источниках» современного социал-демократизма. Все они внесли свой вклад в эту политическую культуру. Особое место в этом процессе занимает энциклика «Рерум Новарум» папы Льва XIII (1891 г.) о защите прав и интересов рабочего класса на основе «социального компромисса» и христианской морали.

5. Социал-демократическое мировоззрение не является каким-то экзотическим «фруктом». Более того, оно весьма банально и мало чем отличается от естественного стремления человека к благу и справедливости, от простых универсальных духовных и нравственных установок. Многие политические партии и особенно вожди любят помахать знамёнами осчастливливания народов и обещаниями рая на земле. Но они делают это в целях манипуляции людьми, лишь бы заполучить их голоса на выборах. Затем на авансцену выдвигается государство и толстосумы, а массы рядовых и бедных граждан остаются в зоне эксплуатации, страданий и унижения.

Отличие социал-демократов в том, что они не столько обещают, сколько многое реально делают на пользу личности и общества с помощью постепенных реформ и модернизации без насилия и резких «больших скачков». Особенно это проявляется в тех случаях, когда они оказываются во власти.

Они отличаются своей гуманистической направленностью от всех иных политических культур:

- от коммунистов с их ультрареволюционным насильственным курсом они отличаются мягким, но последовательным реформизмом, который исключает гражданские войны и перевороты;

- от либералов с их преклонением перед рынком и формальными буржуазно-демократическими правами и нормами, с их прислужничеством перед крупными и богатыми предпринимателями, с их курсом на минимизацию всякого активного участия государства в экономике они отличаются тем,

что отдают приоритет «смешанной экономике» и признают полезность разумного вмешательства государства в регулирование производства и производственных отношений, в защиту интересов трудящихся;

- от христианских демократов их отличает концентрация на постепенном движении от существующей капиталистической системы и демократическому и гуманистическому социализму нового типа с многопартийностью, социальной справедливостью и т.д.;

- от всякого рода фашистских и иных тоталитаристских или реакционных, в том числе религиозно-фундаменталистских политических и идеологических курсов. Их отличает незыблемая приверженность принципам свободы, демократии и справедливости.

Можно провести и некоторые иные сопоставления, но и этих достаточно, чтобы увидеть лицо и понять характер социал-демократической политической культуры. Её превосходство очевидно. Это не означает, что только и остаётся, что обожать социал-демократию и молиться на неё.

Нет, и другие политические культуры имеют многие положительные черты, а социал-демократия не лишена слабостей и недостатков.

Но она уже за многие десятилетия доказала свою силу и привлекательность, свою честность и трудолюбие, свою волю и разум, слово ответственность и творческую энергию.

Задача состоит в том, чтобы трезво оценить все плюсы и минусы исторического опыта и взять опыт социал-демократии на вооружение.

Эмиль Дабагян

Во-первых, я действительно высоко оцениваю Ваше выступление, Борис Сергеевич. Оно даёт обильную пищу для ума и я, как человек, который много лет занимался социал-демократией, вынес много полезного лично для себя. Особенное

внимание я обратил на Ваши рассуждения относительно первоначальных этапов зарождения социал-демократии в Европе. В Латинской Америке была своя особенная историческая обстановка, и это наложило существенный отпечаток на идеологические и концептуальные постулаты в тот период. По началу, латиноамериканские партии этого направления носили ярко выраженную националистическую окраску. Свою сущность они облекли в соответствующую оболочку. Необходимость проведения назревших преобразований плавно, без скачков объясняли специфическими условиями континента. Они тогда демонстративно отмежевались не только от партий революционного толка, но и потенциальных своих партнёров в Европе. Именно данное обстоятельство послужило основанием для отечественных исследователей именовать указанные партии национал-реформистскими.

Говоря об идейных истоках и корнях латиноамериканской социал-демократии, можно сказать, что они восходят к апризму – философско-политическому учению, одним из создателей которого являлся видный перуанский общественный и политический деятель Виктор Рауль Айя де Ла Торре, основавший в 1924 году Американский народный революционный альянс. То есть партия социал-демократического толка называлась революционной, хотя в её программе не было таких революционных лозунгов. Она как раз была создана в противовес коммунистическим партиям, но речь шла о мирной, демократической революции без использования насилия.

В этих условиях было сконструировано альтернативное, оригинальное, не импортированное извне учение, способное истолковать социально-политические процессы, прежде всего, под углом зрения самобытности этого континента. Вот слова Айя де Ла Торре: «Апризм родился на основе абсолютно конкретной национальной действительности». И специфику стран континента апристы усматривают, прежде всего, в расово-национальном моменте. «Индейцы составляют этническую и социально-экономическую базу Америки», - говорил Айя де Ла Торре. Для более адекватного выражения понятия «Латинская

Америка», апристы широко оперировали термином «Индоамерика». По их мнению, преобразования в андских странах с индейским населением и глубокими историческими корнями, восходящими к индскому социализму, настоятельно требовали особого учёта этой специфики.

Национал-реформисты заявляли в 30-е годы, что в Латинской Америке, находящейся в состоянии колониальной зависимости, пролетариат ещё только формируется. Его классовое сознание находится в стадии становления. Вот цитата: «Ребёнок живёт, ребёнок чувствует боль, ребёнок протестует против боли, тем не менее, ребёнок не способен руководить самим собой». Так, Айя де Ла Торре оценивал уровень развития и сознание пролетариата. Всё это не позволяет индустриальному пролетариату осуществлять руководство судьбами нации. Исходя из этого, говорилось о необходимости осуществления национальной революции, в рамках которой Латинская Америка завершила бы цикл капиталистического развития с тем, чтобы в последствие созрели предпосылки для социализма.

С момента зарождения вот этого движения, его лидеры провозглашали свои партии единственными организациями, выражающими стремления и чаяния широких масс трудящихся, называли эти партии многоклассовыми.

«Мы являемся политической организацией, где представлены интересы трёх классов: рабочих, крестьян, средних слоёв. Мы являемся партией единого фронта, партией, созданной для разрешения проблем этих классов, объединённых общностью интересов», - говорил Айя де Ла Торре. Вот его слова, сказанные в 1931 году.

Вывод сводится к тому, что на этапе зарождения латиноамериканской социал-демократии, упор делался не на поиск точек соприкосновения с европейскими партиями, а на региональную специфику.

Затем уже пошёл процесс сближения, важной вехой стала конференция в мае 1976 г., но это уже другая тема, которую я бы хотел отдельно, возможно в следующий раз, изложить.

Вячеслав Петров

Я с интересом ознакомился с докладом Бориса Сергеевича еще в период подготовки к семинару и он меня заинтересовал. Когда я прослушал его выступление и высказывания коллег, то это впечатление только усилилось. Мне представляется весьма актуальным и своевременным рассмотрение темы, по которой сегодня мы обмениваемся мнениями.

Действительно, политическая культура – явление особого рода, значительно более сложное и совершенное, чем живой организм. Она напрямую детерминируется экономикой. Культура выступает как система значений – ценностей, о чем, собственно, Борис Сергеевич и говорил. Она определяет энергию и направленность человеческих усилий. И в этом плане культура социал-демократии не является исключением.

В идейном отношении социализм никогда не представлял собой единого целого. Не только потому, что социалистическая традиция развивалась и обогащалась, поднимая в теории ранее не известные вопросы. И не потому, что, возникнув в промышленно развитой Европе, социалистические идеи распространялись на другие регионы мира, трансформировались в контексте местной, неевропейской специфики. Главное — что проблема социализма всегда ставилась его идеологами как проблема практико–политическая, как составляющая общественной практики конкретного социума. Отсюда и проистекает многообразие социалистических доктрин, поскольку у каждой страны, и даже народа – свой исторический и политический опыт.

В чем заключается живучесть социалистической идеи? В том, что в этой идее присутствует проблема, разрешения которой настоятельно требует современная общественная практика. Идея социализма предстает как развитие системы понятий, способных выразить новый опыт социума. Этот опыт касается базовых ценностей как общества в целом, так и каждого человека.

Фактом является то, что сегодня социал-демократические ценности признаны как наиболее отвечающие реалиям

политической жизни индустриального общества. К этим ценностям относятся:

- свобода и социальная справедливость, достижение которой увязывается с правом на частную собственность;
- ценности социального государства, допускающие регулирование рыночной экономики на разных уровнях, обязывающие его решать экологические проблемы;
- солидарность, предполагающая не только собственно солидарные отношения между людьми, социальными группами, представителями различных этносов, но и соблюдение определенных принципов деятельности — этики ответственности за свои поступки и действия;
- принцип компромисса, отказ от насильственной конфронтации как формы политической практики;
- принцип надежды, исторического оптимизма, веры в лучшее будущее и возможность его осуществления.

Здесь мы имеем дело с творческим восприятием демократии, ориентацией социальной демократической практики на ценностный горизонт разума, здравый смысл, индивидуальность, полезность, расширение социального участия. Деятельность современной социал-демократии подтверждает тезис о том, что только та политика является жизнестойкой, которая учитывает требования культурного развития социума.

Все сказанное подтверждает тезис Бориса Сергеевича об оптимальности для России и ее будущего использования социал-демократической модели как политико-экономической и культурной практики.

Борис Сергеевич задал вопрос, готово ли российское общество к восприятию такой культуры? Если бы мне этот вопрос задали пару лет назад, я бы уверенно ответил «нет». Причем не готовы ни власть, ни подавляющая часть населения страны. Сейчас я бы уже задумался. Кризис вносит свои коррективы не только в экономику и методы управления, но и в политическую, и

культурную сферы, он инициирует социальную активность все более широких слоев населения.

Важнейший фактор, препятствовавший становлению отечественной социал-демократии, – это слабость солидарности между людьми в посткоммунистической России, чему в немалой степени способствовала многолетняя монополия КПСС. Отсюда – отсутствие у людей практики независимой общественной самоорганизации, способности отстаивать свои интересы посредством групповых действий. Более того, власть последовательно ликвидировала практически все ниши независимой общественной активности, что привело к еще большему усилению апатии и разочарованию людей в публичной деятельности. Государственная бюрократия в России остается абсолютно доминирующей политической и социальной силой. Она не заинтересована в формировании независимых политических объединений и движений.

Поэтому и не увенчались успехом первые попытки создания в России в конце 80-х – начале 90-х годов партии социал-демократической ориентации. Борис Сергеевич знает об этом не понаслышке, поскольку именно в то время он входил в число тех, кто эту попытку предпринимал – он входил в политсовет социал-демократической партии России.

Почему социал-демократию в России тогда не удалось создать ни «сверху», ни «снизу»? Потому, что в стране не было настоящих профсоюзов, способных не на словах, а на деле отстаивать права наемных работников. Ведь социал-демократия — это не клуб любителей дискуссий, это политическое движение, ставящее своей целью представительство и реализацию на практике средствами политики интересов определенных социальных групп, слоев, индивидов. Отсюда — ее непосредственная связь с профсоюзами, практика представительства их интересов на уровне исполнительной и законодательной власти. Нет профсоюзов – нет социал-демократии. Свидетельство тому – весь опыт становления и развития мирового социал-демократического движения.

Вот и появился индикатор – чем боевитее и активнее будут профсоюзы, тем реальнее развитие в России социал-демократической практики. Эти ростки мы уже наблюдаем сегодня. Пока в виде спонтанного появления организованных групп граждан, протестующих против нарушения их социальных прав (обманутых дольщиков, чернобыльцев, автовладельцев праворульных машин и других). Наметилась тенденция создания действительно профсоюзных, а не декоративных объединений наемных работников. Это - новый феномен российской общественной жизни, требующий не только пристального изучения со стороны политологов и социологов, но и умелого руководства, которое бы позволило направить активность самодеятельного населения в конструктивное русло, без лишней конфронтационности и уличной вакханалии. Социал-демократам, как говорится, сам бог велел взять эту функцию на себя.

Ведь очевидно, что государство задохнется (и уже задыхается) под тяжестью взятых на себя социальных обязательств, если оно не наладит контактов с нарождающимися гражданскими движениями. Социал-демократия – это та сила, которая способна ограничивать действия властных структур, во многом заинтересованных в сохранении неизменными стилей властвования и управления, и одновременно способствовать расширению «коммунитарной деятельности», сфер полномочий и содержательности задач гражданского самоуправления.

Другой очень важный вопрос, который стоит на повестке дня в России, - способны ли политическая элита, представители других, в том числе либеральных, партий и движений отойти от традиции конфликтной политической культуры, нацеленной, в первую очередь, на поиск врагов и борьбу с ними? Борис Сергеевич, вы об этом много писали и говорили, показали теснейшую связь решения этой задачи с будущим страны.

Я не буду давать оценку ситуации по этому вопросу, а приведу лишь один пример. 27 января сего года ГУВД Москвы направило руководству Высшей школы экономики письмо с рекомендацией рассмотреть целесообразность дальнейшего обучения студентов, принимавших участие в «Марше несогласных» в конце 2008 года.

Я не отношу себя к сторонникам этой публичной акции, но подобные действия власти лично у меня вызывают отторжение. К сожалению, подобного рода примеров достаточно.

В одной из статей, размещенных на нашем сайте, я уже касался вопроса о необходимости перехода от информационных войн к информационному соперничеству между политическими субъектами в России, прекращения «борьбы компромата», размахивания «информационными дубинками». Присущий отечественной политической культуре и российской интеллигенции дух нетерпимости и отсутствие культуры компромисса ведут не к объединению, а к раздроблению демократических сил. И в этой ситуации пример, который дает нам современная социал-демократия, весьма показателен.

Благодаря своей демократичности, проявившейся в способности обращаться к значительным массам людей, социал-демократы смогли завоевать политические симпатии широких слоев населения в своих странах. Но демократичность соблюдается у них и во внутрипартийной жизни. Они не скрывают своих целей и намерений, формируют новые идеи и инициативы не келейно, в узком кругу партийного руководства, а в открытом диалоге с участием как можно большего числа граждан. Рядовые члены социал-демократических партий Европы часто и в самом деле могут влиять на «большую политику». Так было, например, при избрании лидером СДПГ Шарпинга вместо Энгхольма, они же через два года способствовали его смещению и избранию Лафонтена. В 1995 году именно рядовые члены Французской соцпартии выдвинули кандидатом на президентский пост не первого секретаря партии Эммануэли, а Жоспена. Подобные примеры можно приводить еще и еще. К сожалению подобных примеров в практике современной России я не знаю. А о заорганизованности и бюрократизации правящей партии «Единая Россия» не говорит разве что ленивый. Ну, если на федеральном телеканале из выступления Президента России Дмитрия Медведева вырезают фрагмент, в котором он критикует правительство за то, что оно выполнило только треть от

намеченных антикризисных мер, то это о многом свидетельствует.

Мне вспоминается встреча с одним из английских политологов, которая произошла у меня в середине 90-х годов. Говоря о действиях российских властей в одном из национальных субъектов России, он отметил ее неумение «уживаться» с иными идеологическими воззрениями и движениями, нежелание учитывать их в повседневной политической практике. Я впоследствии неоднократно возвращался к этой мысли, пытался оспаривать ее, но был вынужден признать правоту этого зарубежного исследователя. Для формирования меня как ученого-политолога, было важным и другое его замечание о том, что в России, кроме коммунистической, пока еще нет другого идеологического движения, которое бы сформировало собственную мощную историческую традицию, наследуемую каждым последующим поколением граждан.

Мне представляется, что таким движением и должна в Россия стать социал-демократия. Предпосылки к этому вызревают, реанимируется историческая память и нравственные императивы россиян. «В их установке на социальность в сочетании со справедливостью как одной из главных составляющих народного образа жизни, пронизывающей всю тысячелетнюю историю России, и по сей день не находящей должного воплощения». Этот вывод принадлежит Борису Сергеевичу, я с ним соглашусь.

Александр Аринин

В своем выступлении, я, во-первых, остановлюсь на особенностях развития политической культуры социал-демократии в 20 веке. Во-вторых, попытаюсь сформулировать задачи, которые стоят перед социал-демократами на современном этапе. Перед тем как их рассмотреть, на мой взгляд, следует определить, что представляет собой политическая культура как таковая.

Понятие политическая культура было впервые сформулировано в конце 50-х годов прошлого века. С тех пор оно постоянно уточнялось. В настоящее время в научной литературе наиболее

распространено представление о политической культуре как системе ценностей, глубоко укоренившейся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в политических действиях.

Мировой и отечественный опыт свидетельствуют, что политическая культура как интегральная характеристика политического образа жизни страны, нации, класса, социальной группы, партии и индивидов может рассматриваться в качестве совокупного показателя политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов.

Наше обсуждение вопроса показало, что политическая культура социал - демократии, основываясь на таких общих идейных ценностях, как свобода, справедливость и солидарность, в тоже время неразрывно связана с общенациональной культурой, социо-культурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами и установками. Они и определяют характер решения задач, которые стоят перед социал-демократами в различных странах.

Вместе с тем в достижении своих целей социал-демократы исходят из общих принципов, которые являются характерными особенностями политической культуры социал-демократии. Первый и главный из этих принципов, как справедливо отметил в своем докладе Борис Сергеевич, состоит в том, что ценности социал- демократии реализуются ими только в условиях демократии и демократическими методами. Второй важный принцип характеризуется тем, что свои задачи социал-демократы стремятся решать с помощью согласительных процедур, поиска компромиссов. Наконец, третий общий принцип заключается в том, что социал-демократы выступают за активную регулирующую роль государства в экономике и социальной сфере.

При этом социал-демократы видят в государстве не только гаранта стабильности общественных отношений и утверждения принципов социальной справедливости, но и главного субъекта

необходимых в стране преобразований. Для того, чтобы государство ответственно и эффективно исполняло свои обязанности, социал-демократы выступают за установление гражданского контроля над его деятельностью. С конца 19 века до настоящего времени социал-демократы добились значительного совершенствования форм и методов осуществления общественного контроля над деятельностью государственной и местной власти.

Они смогли добиться права граждан выбирать свою власть, свободы слова, собраний, общественных организаций, проведения референдумов, организации общественных расследований по фактам массового нарушения прав и свобод человека, осуществления общественной экспертизы законопроектов, внесенных в парламент. Со второй половины 20 века социал-демократы начинают борьбу за право свободного доступа граждан к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти, чтобы граждане и все общество имели возможность осуществлять свой контроль над деятельностью власти постоянно и повсеместно.

Первыми начали добиваться постоянного и повсеместного общественного контроля над деятельностью органов государственной и местной власти социал-демократы Швеции. Именно они добились в парламенте принятия в 1976 году поправки к действующему закону «О свободе прессы», которая устанавливала, что каждый гражданин Швеции должен иметь доступ к официальным документам органов государственной власти и органов власти местного самоуправления. Не случайно, поэтому в Швеции, равно как и в Финляндии, которая заимствовала опыт шведских социал-демократов, практически нет коррупции, высока степень ответственности и компетентности органов государственной и местной власти.

В 1985 году в Дании благодаря активной деятельности социал-демократов был принят закон «О доступе к административным документам». Он обязывал органы исполнительной власти предоставлять каждому обратившемуся документы о своей деятельности. Именно социал-демократы были инициаторами

принятия подобных законов в Австрии в 1987 году, в Испании в 1992 году, в Бельгии в 1994 году, в Великобритании в 2000 году, в Норвегии и Швейцарии в 2002 году.

Особо следует отметить социал-демократов Финляндии. В 2001 году благодаря их стараниям Финляндия стала первой в мире страной, которая приняла закон «Об электронных услугах в сфере государственного управления». Данный закон позволил финским гражданам получать в режиме реального времени достаточно полную информацию о деятельности органов государственной власти и органов власти местного самоуправления. Это, безусловно, повысило активность и результативность гражданского контроля над деятельностью власти в Финляндии.

Прорыв финских социал-демократов в развитии общественного контроля открыл качественно новый этап в его осуществлении по всему миру. В период с начала 2000-х годов до настоящего времени во всех развитых странах были приняты поправки к действующим законам о доступе к информации о деятельности власти, которые устанавливали порядок функционирования электронных правительств.

Однако мировой экономический кризис показал, что гражданский контроль, осуществляемый над деятельностью власти еще недостаточен, чтобы предотвратить безответственность, некомпетентность и коррупцию во власти. Необходимо законодательное обеспечение прозрачности деятельности власти, то есть получение гражданами полной, достоверной и своевременной информации о деятельности и принимаемых решений исполнительной, законодательной, судебной власти и органов власти местного самоуправления. Экономический кризис показал, что необходима прозрачность и крупного бизнеса. Именно его алчность и жадность привели вместе с безответственной властью к мировому экономическому кризису.

В этой связи у социал-демократов много работы по защите своих ценностей. Действительно, свобода требует ответственности, иначе она превращается во вседозволенность. Социальная

справедливость невозможна без соблюдения закона, обеспечения равенства прав человека. Солидарность в обществе необходима, чтобы противостоять алчности и жадности крупного капитала, воровству и коррупции, безответственности и некомпетентности власти. Важнейшим инструментом в решении этих задач является прозрачность деятельности власти и крупного бизнеса. Если социал-демократы установят этот инструмент в общественных отношениях и научатся эффективно им пользоваться, они станут авангардом в своих странах и успешно выведут их не только из мирового экономического кризиса, но и будут эффективной политической силой способной адекватно отвечать на все вызовы времени.

В заключении, хочу остановиться на роли правящего класса в жизни страны. Как известно, эффективное развитие страны определяется полнотой и интенсивностью ответа на вызов времени, который зависит от ответственности и компетентности правящего класса. Вызов, остающийся без адекватного ответа, повторяется вновь и вновь. Неспособность того или иного правящего класса в силу безответственности, утраты творческих сил, энергии ответить на вызов времени лишает его жизнеспособности и в конце концов предопределяет его исчезновение с исторической арены.

Особенность современного этапа развития состоит в том, что если раньше, например, в 19-20 веках на это уходили многие годы, а подчас и десятилетия, то сегодня данный процесс развивается стремительно. Это обусловлено тем, что в современную информационную эпоху все общественные процессы из-за сжатия времени проходят значительно быстрее.

Свидетельство тому – мировой экономический кризис, который настоятельно требует уже сегодня, а не завтра перестройки не только сложившихся экономических, но и общественных, политических, культурных отношений.

Надеюсь, что современные социал-демократы вместе с другими политическими силами сумеют найти адекватные ответы вызову времени.

Борис Орлов

Хочу поблагодарить всех участников сегодняшнего выступления за их замечания и собственные представления по теме, которую мы сейчас рассматриваем. Более компетентную аудиторию для высказывания соображений по теме политической культуры социал-демократии сложно себе представить. Теперь по существу.

Я понял, что какие-то мои темы нуждаются в существенном дополнительном объяснении. Первое соображение, на которое, как мне кажется, было обращено недостаточно внимания. Я ведь рассматриваю политическую культуру социал-демократии как совокупность составляющих: политическую деятельность, нравственные позиции, культуру политического мышления.

Борис Иосифович, Вы очень удачно выделили понятие «культура политики». Так мне кажется, что социал-демократии присущи и культура политики, и культура мышления, и культура нравственности. Проблема социал-демократии заключается в том, что до этого состояния такой культуры надо дозреть при определенных социальных и экономических обстоятельствах. Проблема российской социал-демократии как раз и заключается в том, что мы еще в самом начале, до такого зрелого понимания деятельности социал-демократии.

Эмиль Суренович, ведь и проблема социал-демократии в Латинской Америке как раз заключается в специфических условиях, конечно, и другом взгляде на вещи, особенно в национальной тематике. Но в целом, мне кажется, процесс созревания или дозревания в Латинской Америке тоже осуществляется, и в Ваших политических портретах наглядно демонстрируется, что в одних странах этот процесс осуществляется, а в других он еще только в самом начале.

Еще я недостаточно четко обозначил мой тезис о том, что компромисс – это душа социал-демократии. Это компромисс, но только в рамках демократических установлений. Почему социал-демократы стремятся к демократии, потому что только в этих условиях они могут наиболее последовательно, на основе закона

отстаивать свои интересы. Но когда в обществе возникает явление, выходящее за пределы демократии, социал-демократия начинает вести себя совершенно по-другому.

Вспомните 20-е годы. Что сделали социал-демократы, когда начало развиваться неонацистское движение? Они создали свои собственные военизированные отряды. Какие схватки происходили на улицах Берлина и других городов между социал-демократическими и нацистскими боевыми группами! Это же касается и последующих периодов, периода сопротивления нацизму. Социал-демократы как раз и были среди тех, кто боролся. Поэтому социал-демократический компромисс затрагивает ее деятельность только в условиях демократии.

Далее хотел бы остановиться на социал-демократическом прагматизме. Видимо, я недостаточно подчеркнул, что это реформаторская сторона деятельности, прагматическая, практическая сторона. При прагматизме партия ориентируется на социал-демократические принципы, хотя это происходит в разной степени. Вот вам наглядный пример – Хельмут Шмит, который недавно отмечал свое 90-летие. Я напому вам, что после того, как Вилли Брандт ушел в отставку, Шмидт проводил экономическую политику. Некоторая часть членов СДПГ достаточно скептически относилась к нему, ругая его, называя словом *Macher*, «делатель», говоря, что он слишком ориентирован на прагматику и как-то мало значения придает идейным установкам. Тем более, что однажды Шмидт позволил себе такое замечание. Его спросили, что Вы думаете по поводу социал-демократического видения (по-немецки: *Vision*). И он вдруг говорит: *Wer Vision hat, muss zum Arzt gehen*. В переводе: у кого видение (второе значение – галлюцинации), тому следует обратиться к врачу. То есть оскорбил представления, ожидания социалистически настроенной части общества.

Но вместе с тем Шмидт – отличный знаток Канта. Ему принадлежит великолепный доклад по теме «Нравственность и политика», где он с кантовских позиций доказывает, что мыслящий, нравственный человек непременно должен входить в политику и воздействовать возможными средствами на

гуманизацию всего общества в целом. Поэтому подчеркиваю: прагматизм – вовсе не значит полный отрыв. Шмидт исходил из того, что для осуществления требований нужно, чтобы экономика хорошо работала, чтоб были рабочие места, чтобы рабочие получали достаточно высокую заработную плату.

И третье. Речь идет о том, что социал-демократия стоит сейчас перед проблемой в условиях глобальной экономики, не только перед тем, как разработать механизмы воздействия на финансовую сферу деятельности мирового капитала, но и в том, как обосновать свое представление о будущем. В той же германской социал-демократии, в последней программе содержится компромисс: там есть и требование демократического социализма, и требование общества социальной демократии. Вот эта концепция общества «социальная демократия» может быть воодушевляющим стимулом для значительной части населения, или это касается только прагматиков и дальше надо осуществлять только повседневные реформы? Это очень серьезная проблема, которая стоит перед европейской социал-демократией в целом. Если вы отказываетесь от социалистической перспективы в целом, от социализма как такового, тогда почему вы себя называете социалистической партией? Почему Интернационал называется социалистическим?

Вот очень любопытный пример. Создана общеевропейская партия. Когда публикуются их документы на иностранных языках, то французские социалисты называют ее Социалистическая Европейская партия, а немцы говорят Социал-демократическая Европейская партия. Ведь это не просто разная терминология – это разные взгляды на вопрос. Мне кажется, что проблема будущего видения вдохновляющих перспектив перед социал-демократией стоит чрезвычайно остро.

И последнее, связанное с теорией общества социальной демократии. Тема сентябрьского номера журнала *Neue Gesellschaft* – новый капитализм. И целый ряд статей о том, как социал-демократы представляют себе проявление компромисса на современном этапе в условиях глобализации. Что мне

показалось здесь интересным: альтернативы какой-то более действенной общественной модели в этих рассуждениях не просматривается. Все-таки они остаются при социальной рыночной экономике, только ставится вопрос об усилении контроля за финансовой деятельностью так называемого «турбо-капитализма».

Социал-демократия столкнулась с огромными трудностями, когда менялась ее социальная база в начале XX века. Рабочий класс стал постепенно размываться, усиливалась категория служащих, и приходилось по-новому на это реагировать. Сейчас социал-демократия тоже с этим столкнется. Посмотрим, как она будет с этим справляться. Но для меня признак надежды такой факт. Кто решал кризисные проблемы в Германии в 1966 году? Социал-демократы. Сейчас кто решает проблемы, возникшие в Европе? Лейборист Браун и социал-демократы из Большой коалиции. Мне очень хочется надеяться, что в рамках социал-демократии будут не только горячие поборники социальной справедливости, но и специалисты, понимающие, как эти новые сложные финансовые проблемы поставить под контроль мирового сообщества.

До следующей встречи. Спасибо.